

Андрогинная природа человека

<http://trans-tema.com/androgin.htm>

В 416 году до н. э. античный трагик Агафон одержал победу в поэтических состязаниях в Афинах и устроил по этому случаю пир (по-греч. - "симпозион"). На пиру были его друзья - Сократ, Федр, Павсаний, Эраксимах, Аристофан. Через несколько лет Платон пишет диалог "Пир", где в уста Аристофана вкладывает один из самых величайших гимнов к богу любви Эроту. Он предлагает познать человеческую природу и утверждает, что раньше люди были не двух полов, а трех, причем третий пол сочетал в себе мужские и женские признаки. "Сам он исчез, и от него сохранилось только название, употребляемое теперь как бранное слово - андрогинины..."

Эти существа были шарообразны, имели по 4 руки и ноги, были страшны своей силой и мощью, чем испугали богов. Символом андрогинов была луна, совмещающая солнечное, мужское, начало и земное, женское. Зевс разрезал их пополам, а Аполлон зашил раны и сгладил складки. Половинки с вожделием устремлялись друг к другу и умирали от голода, потому что ничего не желали делать порознь. Пожалев их, Зевс переставил вперед срамные части, установив оплодотворение женщин мужчинами или, когда мужчина сойдется с мужчиной, "достигалось удовлетворение от соития". Главное в том, что любовное влечение людей друг к другу "пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу". Так просто Платон объясняет и разнополюю и однополюю любовь, подчеркивая главное - "любовью называется жажда целостности и стремление к ней". Если люди нарушат волю богов и не будут к ним почтительны, нас рассекут еще раз. Поэтому нужно чтить Эрота, указавшего нам путь к целостности, и искать свою половинку, что делает людей счастливыми и блаженными, соответственно их изначальной природе. В любви, по Сократу, и состоит жажда бессмертия, которая оплодотворяет лоно женщины семенем, а душу юноши мудростью и доблестью. Итак, у Платона андрогин есть истинная природа человека, утраченная вследствие гордыни перед лицом богов, а человек наказан своей ущербностью и обречен на мучительный поиск своей половинки, что может восстановить былую целостность.

Другой античный гений, Овидий Публий Назон, в "Метаморфозах" спустя четыре столетия после Платона так описал миф о Гермафродите, который получил распространение уже в платоновскую эру. Нимфа Салмакида, обитавшая в водах источника, влюбилась в прекрасного 15-летнего мальчика, который собирался купаться в прозрачных водах озера, и пригласила его в спальню. Юноша заалелся лицом, ибо еще не знал про любовь и отказал нимфе. Салмакида спряталась в кустах, но не в силах противиться очарованию его юной наготы, бросилась к плывущему мальчику, обвиняя его как осьминог, умоляя богов соединить их тела, слить их воедино. Боги сделали так, что:

"Стали не двое они по отдельности, -

двое в единстве:

То ли женщина, то ли муж, не скажешь, -

но то и другое.

Только лишь в светлой воде, куда он спустился

мужчиной,

Сделался он полумуж, почувствовав, как разомлели

Члены, он руки простер и голосом, правда, не мужа, -

Гермафродит произнес: "Вы просьбу исполните сыну, -

О мой родитель и мать, чье имя ношу обоюдно:

Пусть, кто в этот родник войдет мужчиной, отсюда

Выйдет - уже полумуж и сомлеет, к воде прикоснувшись".

Итак, боги слили воедино то, что одухотворено любовью в ее наиболее телесном выражении, и получилась в полном смысле слова "едина плоть", несущая в себе мужское и женское начало. Я вернусь еще к этим и другим более древним мифам об Андрогине как истоке человеческого рода, но ссылки на эти источники важны потому, что в них кроется загадка и отчасти разгадка самого феномена андрогинной природы человека. Миф, как хорошо сказал А.Ф. Лосев, не выдумка, не фикция, не фантазия, не аллегория и символ, а чудо, причем именно "чудо есть то, что так подчеркивает телесную природу мифа, выхватывает ее из сферы обычной, ординарной телесности и, не лишая ее природы телесности (без телесности нет никакого мифа), делает ее какой-то особенно напряженной и углубленной". Один из плодотворных путей познания человеческой телесной природы состоит во внимательном изучении мифологии тела, тем более в его половой определенности. Соединение мужчины и женщины в браке, как мудро замечает С.С. Аверинцев, "неказенная "ячейка общества". Не романтический "союз сердец". Единая плоть". Как "принять" в себе другого человека, как стать единой плотью в этом христианском смысле слова, зависит не от самой плоти. "Самая плотская ласка, чтобы не стать несносной мерзостью, должна знаменовать и символизировать самое духовное, что может быть: безоговорочное взаимное прощение и безоговорочное взаимное доверие". Прощение и доверие, о которых говорит современный мыслитель, подразумевают принятие человеческой природы со всем, что в ней есть, не отвергая ничего, даже "слишком человеческого" и потому заведомо греховного.

Обратимся к тому, что знает современная наука о природе человека, его половой определенности, о самом святом и грешном, что заложено в каждом с точки зрения религии. Человека можно рассматривать в трех измерениях: "снизу", т. е. со стороны его животных предков; "сверху", т. е. с точки зрения Бога, Абсолюта, Универсума и других надчеловеческих сил и

персон, и "сбоку", то есть в сравнительном аспекте, где идет сопоставление разных культур и цивилизаций, определяющих его развитие, в том числе и в сексуальном плане. Кроме того, определяющее значение имеет собственный, индивидуальный "план" развития, истоки которого закладываются еще внутриутробно, а ключевые моменты приходится на разные периоды детства.

Итак, приступим к анализу пола (по-русски) или секса (по-латыни). Слово "пол" вошло в русский язык с XI века, а прилагательное "половой" позднее. Этимологические словари определяют пол как "каждый из двух разрядов живых существ, способных к размножению", и связывают это слово с термином "половина" как части чего-то цельного. Латинское "sexus" означало и пол, и половой орган, а "sexualis" - прилагательное, обозначавшее "женский". Римляне называли жадную, хищную женщину - *sex-ungula*, т. е. "имеющая шесть когтей", так как *sex* - это еще и цифра 6. В обширном исследовании символики индоевропейских языков приводится ряд значений терминов, символизирующих фаллические действия. В их числе - творение, космическая энергия, упорядочивающее начало, середина, дом, храм, чудо, волос, узел, знак, звезда. Особо подчеркивается, что "соитие - это как бы жизнь внутри смерти и смерть внутри жизни". Интересно, что русское слово "дурь" первоначально означало "половой", т. е. священный экстаз. В этимологии слова "человек" прослеживается также антропоморфизация Вселенной, ибо человек - это микрокосмос (в ряде языков "мокрый", т. е. извергающий семя), причем "Вселенский фаллос никак не отделялся от Вселенской вагины - речь могла идти о различных сторонах одного и того же явления". Налицо древнейшее подтверждение андрогинной мифологии, следы которой сохраняются во всех европейских языках, включая и русский. Отмечу, что в ненормативной лексике русского языка применяются такие термины, как "кентавр" и "кругляк", для обозначения бисексуальности как всесторонности.

Сама же проблематика возникновения и эволюции полового размножения относится к разряду вечных проблем, разрешение которых в обозримый период вряд ли возможно. Размножение считается фундаментальным свойством жизни, однако в понимании механизма этого процесса больше вопросов, чем ответов. Главное - понять источник самоорганизации и роль необходимых и случайных факторов в биологической информации и, следовательно, в эволюции. В качестве курьеза можно привести подсчет, согласно которому неконтролируемое бесполое размножение делением инфузории дало бы за год потомство, исчисляемое непостижимой цифрой 75×10^{108} , что примерно соответствует диаметру гипотетического шара от Солнца до Земли.

Когда и почему появилось половое размножение, принципиально отличное от первого типа, остается предметом гипотез. Эволюция, видимо, обеспечивала этим способом большее генетическое разнообразие, в результате чего появляются двуполость и единственная парная физиологическая функция, обеспечивающая слияние половых клеток (гамет). Пол разделил, таким образом, единый организм, породив особей мужского и женского рода, но природа достаточно жестко закрепила в геноме механизм поиска полового партнера и обеспечения копуляции (т. е. слияние половых клеток) и оплодотворение. В этой связи возникают 2 основных вопроса: в чем биологический "смысл" двуполости, и в чем различие мужского и женского начал в этом процессе. Природа здесь задала немало "загадок", над которыми до сих пор бьется научная мысль.

В начале XXI века было сообщено о расшифровке генома человека, хотя реальная роль каждого из генов будет предметом изучения еще длительное время. В середине 90-х годов американские генетики описали ряд генов, управляющих механизмом формирования пола. Мужские половые признаки связаны с Y-хромосомой, и сперматозоид, несущий ее, является подлинным и единственным модификатором биологического пола. Это своеобразное биологическое "неравенство" (доминирование мужской половой клетки в определении пола зародыша), казалось бы, является природным основанием для оправдания мужского шовинизма и патриархата, но требует объяснения. Дело оказывается несколько более сложным, ибо недавно открыт ген в X-хромосоме, который тоже, возможно, определяет пол и играет определенную роль в развитии женского начала. Не вдаваясь в детали, можно сказать так: природный механизм формирования пола запрограммирован не столь жестко, чтобы продуцировать 100% мужских и женских особей, и допускает некоторые "примеси", которые в последующем развитии могут проявиться весьма ощутимо. Биологический смысл двуполового феномена, видимо, связан с закономерностями эволюции, что разрабатывается рядом авторов (В. А. Геодакян и др.). Женский пол, с этой точки зрения, выполняет консервативную, стабилизирующую роль и отражает постоянную видовую память. Мужской пол несет бремя эволюционной изменчивости, он направлен в будущее и принимает на себя "удары" судьбы. В этом смысле слова мужчина всегда "слабый пол", ибо более уязвим и менее устойчив по сравнению с женским. По последним данным генетиков, у человека много генов, общих с животными не только по самой закодированной информации, но и по способу ее использования в соответствующей среде. Подтверждается тезис о мужчине как "первопроходце" эволюции, за что он и "расплачивается". В последние десятилетия XX века проходили бурные дискуссии по поводу соотношения в мире мужского и женского пола и способам социальной регуляции этого процесса.

Природа "делает" мужчин с некоторым запасом, сохраняя в целом оптимальное соотношение полов в условиях мирного развития (без войн, геноцида и массовых катастроф). Женщина лучше защищена от стрессов и многих заболеваний и, как будет дальше показано, лучше адаптируется ко многим ситуациям сексуальной жизни.

Общая линия эволюции, по-видимому, укладывается в схему: бесполость, двуполость или многополость (в одном организме) и половой диморфизм высших существ, сохраняющих признаки двуполости и бисексуальности. Последние термины разнятся по смыслу и, как предложил И.С. Кон, прилагательное "половой" относится в основном к процессам природной дифференцировки пола, а "сексуальный" к поведенческим и чувственным актам человека. Иными словами, можно сказать, что андрогинно-бисексуальны все живые существа, поднявшиеся на уровень полового размножения, а с другой стороны, "бисексуальность" являет собой социокультурный феномен жизни человека, берущий свои истоки в природных детерминантах, но не выводимый из них, подобно тому, как из аксиомы выводится следствие. Первоначально целостная и бесполой простейшей формой жизни претерпела развитие и разделилась на полы, но в каждом осталась, видимо, частица бесполого (или потенциально всеполого),

которая "живет" внутри пола своей жизнью. В древнекитайской монаде этот механизм представлен наиболее полно, ибо в свете есть частичка тьмы, в мужчине частичка женщины, и т. д. Вряд ли этот механизм является ошибкой эволюции или "чистой" случайностью. В биологии показано, что перемена пола (у ряда рыб и других обитателей моря) происходит в ответ на изменения среды обитания и является механизмом адаптации.

Хотя в настоящее время появилось немало гипотез об экзотических биологических предшественниках человека (сумчатые и др.), но, видимо, не обойтись без обращения к закономерностям поведения обезьян в сексуальных актах, чему посвящена огромная литература. Более 30 лет назад вышла шумевшая книга американского зоолога Десмонда Морриса "Голая обезьяна", где человек рассматривается как 193-й вид безволосой обезьяны. В этом нет ничего оскорбительного для человека, ибо, как пошутил классик, "все мы немножко лошади".

Иного пути для того, чтобы понять природные детерминанты полового поведения человека, не существует. Нужно попытаться реконструировать тот период человеческой предыстории, когда прачеловек стал "вырваться" из природных ритмов и процессов размножения, когда по меткому замечанию Ю.М. Бородея происходил "взрыв рефлекторного шара" (т. е. рождение психики человека). Что же изменилось в нашем предке? Как образно пишет Д. Моррис: "Вот она стоит - прямоходящая, занимающаяся охотой, владеющая оружием, территориальная, неотеническая, мозговитая Голая Обезьяна - примат по происхождению и плотоядная по выбору - готовая завоевать мир". Она его действительно завоевала, хотя самой большой загадкой остается сама для себя, ибо уже по этому перечню видно, что это существо соткано из противоречий и действительно представляет гибрид лебедя, рака и щуки. Она в одно и то же время и примат, и плотоядный суперхищник и член особого сообщества, вне которого невозможны жизнь и развитие. Но, самое главное, человек стал суперсексуальным существом, ибо его сексуальность далеко и бесповоротно вышла за рамки биологически целесообразного размножения, приобрела иные, не менее важные функции и их грани, став своеобразным центром жизни человека между рождением и смертью. Осознание этого факта никогда не было итогом бесстрастной констатации, оно всегда вызывало бурю эмоций - от восторгов до проклятий, что говорит об одном - пол и все, что с ним связано, всегда "сидят" и в теле человека, и в феноменах его сознания. Внешняя и внутренняя "бесполость" человека вызывает, в лучшем случае, сожаление и сострадание, хотя евнухи в истории играли достаточно заметную социальную роль.

Однако вернемся к "нашей обезьяне" или, шире говоря, к животному миру как прообразу человеческой сексуальности. Подчеркну, это именно прообраз, фундамент, подобно тому, как храм может стоять на земле, где полно нечистот. Это вовсе не означает, что наш телесный "низ" диктует условия бытия "верху". По расхожему, но достаточно точному выражению, человеческая сексуальность реализуется не в пространстве между ног, а "между ушей", т. е. в мозгу, а еще точнее, в пространстве межчеловеческих связей и отношений, символов и знаков, о чем речь пойдет далее. В современной зоопсихологии утвердилась концепция о том, что хотя гетеросексуальность "работает" в интересах вида, но "естественное поведение приматов амбисексуально; в сущности, оно бисексуально, но более частой ориентацией является гетеросексуальная".

Попыткой объяснить эти явления, равно как и сам процесс половой дифференцировки, стала схема нескольких принципов, выдвинутая еще в 70-е годы XX века Дж. Мани. Согласно этой схеме, "нет двух путей, а есть одна дорога со множеством развилок, где каждый из нас может повернуть в "мужском" или "женском" направлении. Человек становится мужчиной или женщиной постепенно". Становление половой дифференцировки основано на том, что в "спокойном" состоянии все ткани животных и человека, включая мозговую, являются "женскими". Для развития "мужского" начала необходимо дополнительное гормональное воздействие (андрогенов), что укладывается в так называемый "принцип Адама". Этот процесс знает свои критические периоды, свои "сбои" и "ошибки". Природа, прилагая дополнительные "усилия" для формирования мужского пола, тем самым "подставляет" его под удары эволюции как в биологическом, так и в других аспектах бытия. Самец в определенном смысле слова - "приложение" к самке, нужное для запуска механизма полового размножения. Однако половое поведение животных, особенно приматов, не может быть сведено к репродукции как таковой. Зоопсихологи фиксируют достаточно высокий уровень индивидуальной избирательности даже в гаремной "семье", равно как и ритуализированность поведения. Никакого "неупорядоченного" полового общения в животном мире нет, поэтому вопрос о промискуитете как гипотетичном раннем этапе развития человечества дебатировался до сих пор. Промискуитет - это не хаотичное соединение любого самца с любой самкой (даже другого вида, что бывает и у животных и у людей-зоофилов) как выражение "зоологического индивидуализма", а закономерный процесс, требующий реконструкции, прежде всего в аспекте появления первых половых запретов - табу.

Чтобы возможно более полно разобраться с тем, что природа "заложила" в нас миллион лет назад и что "закладывает" сегодня, обратимся к "обезьянам" характеристикам нашей сексуальности, которые, видимо, в результате какого-то скачка стали человеческими. Понятно, что познание этого аспекта прямо связано с концепциями антропогенеза, архетипов коллективного бессознательного (К. Юнг), матриц трансперсонального опыта (С. Гроф) и другими гипотезами, касающимися генеза человека и содержания глубин его сознания и подсознания. Это увело бы далеко в сторону от рассматриваемой проблемы. Отмечу только, что мифологические построения, а также креистика сексуальных ритуалов человечества говорят о возможном существовании гибридов человека и животного, о расе гермафродитов и других феноменах, поражающих воображение современного человека.

Что же изменилось в сексуальном поведении обезьяны, если следовать классической схеме антропогенеза? Как уже упоминалось, у человека появляется и набирает силу новый тип сексуального поведения, связанный, во-первых, с преодолением сезонных ограничений и универсальной половой восприимчивостью женщины (в отличие от самок, восприимчивых только в период течки), во-вторых, с формированием устойчивой брачной пары и удлинением периода детства, и, в-третьих, с появлением многочисленных сверхприродных регуляторов сексуальной активности. Рассмотрим эти моменты в эволюционной

перспективе, применительно к проблеме андрогинности и бисексуальности. Такой авторитет, как Збигнев Лев-Старович описывает так называемый "аполлоновский" тип сексуальной культуры, где реализуется своеобразный эротический рай, где возможно все и со всеми без страхов и комплексов, подражая животным и соблюдая традиции племени. Самое интересное в том, что при этом далеко не всегда осознавалась связь между половым сношением и зачатием и вообще роль мужчины в деторождении. Рэй Тэннэхилл полагает, что эта связь вообще оставалась неосознанной вплоть до X века до н. э. Иными словами, избыточная сексуальность эволюционно "работала" на плодovitость, но это не было механизмом психологической установки. Скорее всего, сексуальный контакт укреплял взаимную привязанность, тем более что человек "приобрел" такие подарки эволюции, как голую кожу, девственную плеву, оргазм и стремление укрывать (и украшать!) область половых органов, что связано с возникновением стыда. Говоря словами американского историка Дианы Аккерман: "Мы ласкоголики, эротоманы и аффектопаты. Поблагодарим за это небеса".

Однако человеческая сексуальность рождалась в острейшем противоречии между агрессивностью и запретами на агрессию. Напомню, что половое поведение животных напрямую связано с повышенной активностью и агрессивностью самца в борьбе за самку. Современные данные подтверждают значимость и важность полового отбора как механизма, обуславливающего наличие потомства у сильнейшего из животных. То же можно проследить и в человеческих популяциях, особенно там, где узаконена полигамия (ислам). Можно полагать, что избыточная агрессивность в половом поведении могла негативно сказаться на выживании и репродукции человеческого рода на ранних этапах его развития. Интересная попытка объяснения происхождения запрета (табу) на убийство родственника и половую связь с ним (инцест) предпринял Ю.М. Бородай. Следуя его концепции, запрет инцеста связан напрямую с вынужденным самоограничением агрессивного поведения самцов, с первыми добровольными попытками обуздания себя. В противном случае первобытному сообществу грозило бы самоистребление. В связи с этим появляется необходимость сокрытия (путем украшающих повязок, как полагают этнографы) половых органов как самых притягательных и в то же время, самых запретных. Экзогамия, с его точки зрения, тоже является средством запрета инцеста, а не потенциального вреда от близкородственных браков или же выгод от браков с женщинами другой общины. Сексуальность и смерть сливались в развивающемся сознании первобытного человека, что многократно затем отражалось в мифах и эпосе разных народов. Достаточно напомнить, что слово "трагедия" восходит к хору козлов в дионисийских оргиях, а козел - один из древнейших символов безудержной похоти.

Итак, человек в своей природной первооснове избыточно сексуален, причем его сексуальность перешла грани животных ритуалов, но не "отменила" его агрессивности. Все три основных феномена человеческой жизни - сексуальность, любовь и брак - в той или иной степени содержат в себе элементы агрессии. Однако в телесной организации человека появилось несколько "нововведений". Во-первых, человек стал прямоходящим, что привело к модификации позы копуляции в виде так называемого "персонифицированного секса", т. е. лицом к лицу (освященной впоследствии религией), а самое главное - к значительному осложнению процесса родов из-за изменения угла наклона таза женщины (в 30-е годы XX века появилась книга профессора А.В. Немилова "Биологическая трагедия женщины"). Женщина получила еще один "подарок судьбы" - девственную плеву, зачаток которой есть у некоторых животных, а эволюционная роль до сих пор неясна. Самое главное, конечно, в потере волосяного покрова (с сохранением его на лобке, промежности и в подмышечных впадинах). Это обстоятельство в корне изменило всю систему половых сигналов. Так, лобковые и подмышечные волосы, видимо, служат своеобразной ловушкой для запаха апокриновых желез, которых у женщин примерно на 75% больше, чем у мужчин. Народное выражение: "Снюхались!" для характеристики счастливых любовников имеет глубокие филогенетические корни. Сама же кожа стала главной и универсальной эрогенной зоной, а телесный контакт ("двух эпидерм", как говорил В. Набоков) абсолютно незаменим для интимной, душевной близости. К новым телесным признакам можно отнести также появление выпуклой груди у женщин с эрекцией сосков при половом возбуждении, любовный румянец кожи у обоих полов, реакция слизистой губ и носа на те же стимулы. Наконец, появился "его величество оргазм", роли которого в жизни человека посвящены многие тома. Это "чудо" рассматривается в диапазоне от элементарной разрядки, обездвигивающей на время женщину (дабы, как полагают, сперма могла подольше задержаться во влагалище) до космического феномена, приобщающего нас ко Вселенской любви.

Именно в эротике, в сфере "чисто" человеческого функционирования сексуальности в полной мере проявилась андрогинная природа человека и его способность к бисексуальному поведению. Это уже не "природа", а "культура" как преобразованное волей и сознанием природное начало. Образно говоря, вырвавшись из природных противоречий и ограничений сексуальности, человек обрел новые "пути", созданные его социальностью и духовностью.